

Первая вѣсть.—Самарскій голодъ.—„Сами справимся“.—„Частной помощи не требуется“.

Въ глуши Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, есть два села: Мокша и Александровка. Крестьяне этихъ селъ съѣли свой хлѣбъ еще въ сентябрѣ. Продали скотъ, а впереди длинная зима. Что дѣлать? Ждали помощи, но не дождались. Собрали сходъ, и приговоромъ уполномочили жену лавочника, интеллигентную крестьянку Н. Г. Гаеву, „ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи въ селеніи столовыхъ“...

Н. Г. Гаева была въ Москвѣ въ октябрѣ 1911 года и принесла первыя яркія вѣсти о голодѣ. Въ газетахъ сообщалось о бѣдствіяхъ и до нея, но въ выраженіяхъ „осторожныхъ“, которыя не будили спавшей человѣческой совѣсти...

Она со слезами на глазахъ рассказывала:

— Послали меня крестьяне и, провожая, говорили: „Добейся чего-нибудь, не помирать же намъ съ голоду! Люди мы, а не собаки!..“

— Что же добились?—спрашиваю.

— Неловко ѣхать обратно. Ничего не могла сдѣлать. Много вездѣ обѣщали, а толку никакого. Вотъ везу только 25 рублей, барыня одна московская дала...

— Мало.

— На недѣлю хватить прокормить дѣтей...

Она рассказывала, что лошади у нихъ идутъ уже по 4 рубля. Крестьяне боятся оставлять ихъ на зиму— „все равно издохнуть съ голода“ — и продаютъ. Теплая одежда заложена за хлѣбъ въ Самарѣ. Земля идетъ нипочемъ. Деятнадцатидесятинный надѣлъ продаютъ за 300—400 рублей. Это выходитъ меньше, чѣмъ да 20 рублей десятина.

— До голода у насъ не знали о законѣ 9-го іюня... Можетъ быть, и знали, но жили все-таки міромъ. А теперь мужикамъ сказали въ волости, что они могутъ продать надѣлы. Они плачутъ и продаютъ. Что идетъ у насъ сейчасъ въ селахъ, — страсть! Укрѣпляютъ за собой надѣлы и спускаютъ за безцѣнокъ. Навѣкъ нищими остаются... Пріѣхалъ къ намъ хохолъ изъ Екатеринославской губерни, созвалъ народъ на сборню и говоритъ:

— Кто желаетъ продать души? Покупаю.

Сразу записалось 132 человѣка. Крикомъ-кричать, а продаютъ.

Гусей, утокъ, куръ обозами отправляли въ городъ, брали за нихъ, что дадутъ. Корова, стоящая 60 рублей, продавалась за 12, да и эту цѣну напросишься, — никому не нужны тощія коровы. Но теперь многимъ уже и продавать нечего. Бабы воютъ... Дѣтишки, — знамо, маленькія, глушыя — хлѣба просятъ, а гдѣ взять? Была свинья у моей сосѣдки, хотѣла продать — никто не беретъ. Зарѣзали да безъ хлѣба и съѣли. А мужикъ, мужъ ея, „съ испугу“ залѣзъ на печку да и лежалъ дня два внизъ лицомъ, молча, какъ нѣмой... 80-лѣтній старикъ наемни пришелъ, упалъ на колѣни и проситъ: „Дай, Христа ради, кусокъ хлѣба!“

Вечеромъ теперь темно въ деревняхъ, — не зажигаютъ лампъ, не на что керосина купить. Захожу я какъ-то къ сосѣду, спрашиваю: „Гдѣ жена?“ —

Ушла, — говоритъ, — Христа ради просить, вечеромъ-то не такъ стыдно... А мужикъ, между тѣмъ, трезвый, работающій. Говоритъ, а у самого слезы на глазахъ... Живетъ отъ насъ неподалеку переселенецъ-хохолъ. У него девятеро дѣтей. Хлѣба у него „нема“. „Что будешь дѣлать?“ — спрашиваю. А онъ, наивный, говоритъ: „Двухъ дѣвокъ въ Самару отвезу, можетъ, кто возьметъ!“ А жена говоритъ: „Пробовала я не ѣсть по долгу, — нѣтъ, хочется“... Богъ ее знаетъ, шутить ли, или отъ страха... Страхъ великій обуялъ деревню... Людей не узнаешь. Ходятъ, какъ тѣни... Что у нихъ на умѣ, — не знаешь... Вспомнила еще одинъ случай. У одного крестьянина 14 человѣкъ семьи. Ъсть имъ нечего: съ семи десятинь запашки получилъ пять пудовъ тощаго зерна. „Лишний“ скотъ продалъ. Остались двѣ лошади, продавать ихъ жалко. Ему давали 9 руб. за пару, а у него 4 сына работника. „Какой же я хозяинъ буду безъ лошадей“, — говорилъ онъ. Рѣшилъ продать половицу земельного надѣла, приходитъ къ богачу и Христомъ-Богомъ молить купить: „Сдѣлай божескую милость!“ Три дня умолялъ. Наконецъ, тотъ „смилоствился“. — „Ну, такъ и быть, — выручу“. И купилъ у него 9½ десятинь за 150 дуб.

— Неужели никакой помощи? — спрашиваю я. — А общественныя работы?

— Эти работы — одно горе. Прежде всего, далеко не всѣ голодающіе ими заняты. Потомъ на работы предпочитаютъ брать съ лошадыю, а безлошаднымъ отказываютъ. Обстановка работы ужасная: гдѣ-нибудь среди степи, за 8—10 верстъ отъ жилья, въ грязи, въ стужѣ... У мужиковъ теплой одежды нѣтъ, а приходится жить и работать въ холодѣ. Несчастныя, тощія клячонки ихъ еле тащутъ тачку съ землей. Часто на дорогахъ валяются и издыхаютъ. Обезумѣвшій отъ горя и страха мужикъ возвращается домой безъ лошади... Плата маленькая. Рыли у насъ землю въ одномъ мѣ-

стѣ, плотину строили, такъ съ кубика давали 2 р. 25 к., а работали этотъ кубикъ 6—8 человекъ съ 2-мя лошадьми и на работу употребляли два дня...

Оказывается, уже и „голодные“ болѣзни появились. Сейчасъ осень, что же будетъ зимой и весной?

— Цынга у насъ и тифъ... Въ городѣ объ этомъ не знаютъ...

— Не доносятъ. Шуму боятся...

Н. Г. Гаева была въ Самарѣ. Зашла въ губернское земство. Ее радушно тамъ встрѣтили. Она спросила:

— Будетъ какая-нибудь помощь отъ земства?

— Самостоятельно выступатъ губернаторъ запретилъ,—отвѣтили ей.—„Самъ справлюсь“, — сказалъ онъ.

Господи, какая это старая, „средневѣковая“ исторія! Хоть бы придумали для разнообразія новую вариацию!..

Въ то время уже было извѣстно, что пироговскому обществу запретили непосредственную помощь. О частныхъ организаціяхъ, какія были въ голодные 1897—1898 гг., нельзя было и заикаться.

Время суровое.

Самъ собой напрашивается вопросъ: впередъ мы идемъ или назадъ?

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1898 году самарскій частный кружокъ спасъ тысячи людей отъ голодной смерти. Прошло 13 лѣтъ; въ Таврическомъ дворцѣ у насъ „слава Богу, конституція“... Но частную непосредственную помощь не допускаютъ. „Сами справимся“, — говорятъ.

Я получилъ тогда же нѣсколько писемъ. „Умоляютъ“ отвѣтить:

— Куда и къ кому обратиться, чтобы командировали на голодъ?

Видно было горячее желаніе общества „спуститься“ къ несчастному народу и чѣмъ-нибудь помочь.

— Скажу вамъ откровенно,—сообщала одна сестра

милосердія, — мое единственное, годами выношенное желаніе,—„сгорѣть на работѣ“, раствориться въ ней. Не думайте, что становлюсь на ходули, не обидьте меня недовѣріемъ...

А одинъ юноша писалъ:

„Мнѣ бы хотѣлось помочь, но чѣмъ? Денегъ у меня нѣтъ. Я и рѣшилъ поѣхать въ голодающія губерніи и дѣлать для мужиковъ все, что въ силахъ, что дадутъ дѣлать...“

Одна только-что кончившая гимназію дѣвушка сообщила, что „она обращалась съ заявленіемъ въ нѣсколько земствъ голодающихъ губерній, но не получила отвѣта“.

„У меня нѣтъ ничего, — писала она, — кромѣ моей молодости и силы, которыя оказываются ненужными рядомъ съ такимъ горемъ... Мучительно жить, сложа руки, и видѣть, какъ отовсюду на тебя смотрятъ темныя впадины нѣмого отчаянія. Больно жить, стыдно жить“...

Въ отвѣтъ на „мольбы“ приходилось указывать только на организаціи священниковъ Кедрова и Цвѣткова. Но эти организаціи были малочисленны и, конечно, всѣхъ желающихъ „поработать на нивѣ“ вмѣстѣ не могли.

Суровая дѣйствительность съ мефистофельскимъ смѣхомъ отвѣчала:

— Не надо вашей помощи.

Въ серединѣ октября, когда газеты были переполнены печальными сообщеніями съ мѣстъ, я былъ посланъ московской газетой „Русское Слово“ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента въ голодающій районъ. Было интересно посмотрѣть, какъ „справляются“... Два съ половиной мѣсяца (съ 15 октября по 1 января 1912 г.) я пробылъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.